

УДК 821.161.1.09 :81'41

## **РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. В. УСТИНОВОЙ**

**И. Л. Попова, С. Н. Бабий**

Тверской государственный университет  
*кафедра русского языка*

Статья посвящена проблеме функционирования прецедентных текстов в книгах современного популярного автора детективных романов Т. В. Устиновой. На основе анализа собранного материала авторы определяют использование прецедентных текстов в произведениях писательницы как отличительную черту идиостиля, проявляющуюся не только в соответствующей характеристике персонажей, но и определяющую собственно авторское повествование.

**Ключевые слова:** *языковая личность, дискурс, прецедентный текст, реминисценция, цитата, квазицитата, аллюзия*

Многие исследователи отмечают тот факт, что современная культура «не склонна к текстопорождению» [5, с. 5], поэтому всё большее значение в создаваемых литературных произведениях играют прецедентные тексты. Первое определение этого понятия дал Ю. Н. Караулов. Это тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 216]. В качестве определяющих характеристик прецедентных текстов Ю. Н. Караулов выделяет хрестоматийность и общеизвестность, эмоциональную и познавательную ценность, реинтерпретируемость, проявляющуюся в их многократной воспроизводимости в различного рода дискурсах [1, с. 217]. Традиционно к прецедентным текстам относят названия литературных и публицистических текстов, картин, фильмов и других произведений искусства, «крылатые слова» и разного рода цитаты из произведений художественной литературы, кино и мультфильмов, реальные высказывания исторических личностей или приписываемые им слова. В лингвистической литературе активно используются производные термины «прецедентное высказывание», «прецедентное имя», «прецедентная ситуация». Например, Ю. Е. Прохоров определяет цитату как типичное прецедентное высказывание, а под прецедентным именем понимает «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб)» [4, с. 150–152].

Выделяют социумно-прецедентные (известные среднему представителю того или иного социума), национально-прецедентные (известные среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества), универсально-прецедентные (известные любому современному полноценному *homo sapiens* и входящие в универсальное когнитивное пространство человечества) [4, с. 149; 2, с. 96]. В другой терминологии эти классы прецедентных текстов представлены следующим образом: микрогрупповые (семья, друзья, группа студенческая), мак-

рогрупповые (социальные, ролевые, статусные), национальные, цивилизационные, общечеловеческие [5, с. 15].

Значение прецедентного текста складывается не только из общеязыкового значения фразы и контекстного смысла, унаследованного от текста-источника, но и из приобретённых смыслов, развивающихся в процессе функционирования данного выражения в речи, поэтому каждый прецедентный текст вызывает в сознании носителей языка свои уникальные ассоциации.

В качестве материала для настоящего исследования были выбраны произведения современного популярного автора детективных романов Татьяны Устиновой. Связано это было прежде всего с достаточно частотным, на наш взгляд, упоминанием прецедентных текстов в 10 произвольно выбранных её книгах (нами отмечено 338 единиц).

Слышкин Г. Г. считает, что прецедентные тексты функционируют в дискурсе в виде различных реминисценций. При этом реминисценции, основанные на апелляции к концептам прецедентных текстов, должны отвечать следующим условиям: осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определённый текст; знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста [5, с. 34].

Писатель рассматривает читателя как близкого человека «своего круга», поэтому предполагается наличие этой пресуппозиции. Обратимся к другому автору детективных романов – А. Марининой. В уста своей героини – писательницы Татьяны Томилиной – она вкладывает следующие слова: «...со страниц своих книг можно и нужно разговаривать со своими читателями, потому что те, кто читает её постоянно и кому нравятся её книги, является не кем иным, как её друзьями, и с ними просто нельзя не поделиться и своими радостями, и своими печалью, и своими раздумьями» [3, с. 310]. Если возникают какие-то сомнения в том, что читатель сможет правильно понять прецедентный текст, даются комментарии. При этом, как нам кажется, ценность произведения даже для читателя, который оказывается «вне зоны понимания» дополнительных смыслов, не снижается. На сюжет это не влияет никак. Однако с комментариями тоже может быть не всё так однозначно. В романе «Саквояж со светлым будущим» на цитату «Ну что? Лектор готов? Лектор давно готов! Видимо, мать тоже уже была «готова», потому что Маша бубнила, что нет никаких причин для беспокойства...» редактором книги даётся сноска: Имеется в виду персонаж фильма «Молчание ягнят» – Ганнибал Лектор [14, с. 21]. Позволим себе не согласиться с подобной трактовкой данного прецедентного текста. На наш взгляд, это цитата из фильма «Карнавальная ночь» (реж. Э. Рязанов, 1956) о лекторе по распространению, которого замечательно сыграл С. Филиппов. Речь идёт о доведении лектора, любителя выпить, до нужной стадии опьянения с целью сорвать его лекцию о жизни на Марсе. Данный вывод подтверждает и тот факт, что значительное количество прецедентных текстов, отмеченных в произведениях Т. Устиновой, заимствованы из старых советских фильмов, в том числе и из «Карнавальной ночи», в то время как зарубежный кинематограф практически не представлен и упоминаний фильма «Молчание ягнят» в её романах нет. Налицо срыв коммуникации, так как адресат (в данном случае редактор книги) ошибочно оценивает смысл прецедентного текста.

Источниками прецедентных текстов в анализируемом материале являются произведения художественной литературы – 129 единиц, кино- и мультфильмы – 98 единиц, упоминания известных людей и связанных с ними событий – 54 едини-

цы, песни – 29 единиц, исторические события – 11 единиц, фольклор – 8 единиц, высказывания известных людей – 6 единиц, реклама – 4 единицы. Преимущественно они относятся к группам социумно-прецедентных и национально-прецедентных текстов, что предопределено как жанром анализируемых произведений, так и их предполагаемым адресатом.

Г. Г. Слышкин выделяет пять основных видов реминисценций, служащих средством апелляции к концептам прецедентных текстов:

*Упоминание* – прямое (нетрансформированное) воспроизведение языковой единицы, являющейся именем данного концепта. Обычно это заглавие произведения, имя автора текста. [5, с. 38]. На наш взгляд, под эту категорию подходят персонажи произведений художественной литературы, герои кино- и мультфильмов, названия произведений музыки и живописи, а также их авторы, названия телевизионных передач, фамилии известных исторических личностей, политических деятелей и представителей мира культуры и искусства. Это самый частотный (174 единицы) вид прецедентных текстов в исследуемом материале. *Ей (Маие) наплевать, кто он, продюсер Рессель или композитор Керосинов (персонаж фильма «Антон Иванович сердится», реж. А. Ивановский, 1941)* [14, с. 175]; *Он (Родионов) чувствовал, что невидимый Большой Брат изучает его в глазке камеры... (Персонаж романа Дж. Оруэлла «1984»)* [14, с. 45]; *Всё это напоминало сцену из фильма «Семнадцать мгновений весны». Не хватало только радистки Кэт, которая поправляла бы Егору запонки.* [15, с. 270]; *...родители ждут, что ты станешь вторым Сергеем Рахманиновым (известный советский композитор и пианист)* [12, с. 305]; *Я не человек! – крикнула в отчаянии Лиза Арсеньева. – Я женщина! Я тебе не товарищ по партии Надежда Константиновна Крупская! (революционерка, политик, жена В. И. Ленина)* [10, с. 93]; *Не то чтобы слава Владимира Вольфовича, сына юриста и никому не известной мамы, не давала покоя Инне Селивёрстовой... (имеется в виду В. В. Жириновский)* [11, с. 141].

*Прямая цитация* – дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своём дискурсе в том виде, в котором этот текст сохранился в памяти цитирующего. Для цитации, основанной на прецедентном тексте, характерна имплицитность, то есть отсутствие ссылки на источник цитирования. [5, с. 39]. Всего нами отмечено 132 цитаты. Они могут даваться в кавычках, что подчёркивает некоторую инородность текста: *Андрей Макаревич, которого Василий очень уважал, как-то пел про то, что «звёзды не ездят в метро».* [13, с. 112]; *Впереди и справа лежала река, – «О, Волга, пышна, величава, прости, но прежде удостой...» (И. Гончаров «Обрыв»)* [7, с. 168]. Однако многие цитаты в тексте никак не выделяются, органично вплетаясь в речь персонажа: *Он (Ястребов) проглотит её (Инну) и не заметит, что проглотил. Отряд не заметил потери бойца. (М, Светлов «Гренада»)* [11, с. 91]; *Поместите объявление, – буркнула Инна. Подобные разговоры всегда её раздражали. – Одинокий крокодил мечтает завести друга. (Э. Успенский «Крокодил Гена и его друзья»)* [11, с. 271]

Обратим внимание на то, что в романах Т. Устиновой нередко присутствует ссылка на источник, откуда взята та или иная цитата. Как правило, героиня говорит об этом герою: – *Не мешай мне веселиться, изверг, – сказала она (Катя) деловито... – Почему... изверг? – Это из «Золушки», – объяснила она с лёгким упрёком... (фильм «Золушка» Н. Кошеверова, М. Шапиро, 1947)* [6, с. 299]; *Мы будем петь и смеяться как дети! – А дальше как? – среди упорной борьбы и труда, – продекларировала Глафира. – А дальше? – Ведь мы такие родились на свете, – дочитала Глафира, – чтоб не сдаваться нигде и никогда. – Кто написал? – Ле-*

*бедев-Кумач. Тысяча девятьсот тридцать четвёртый год, «Марш весёлых ребят». Только там не «будем», а «можем»* [8, с. 220].

В романе «На одном дыхании» выведен персонаж Дмитрий Горин, которому по сюжету принадлежат цитируемые главной героиней Глафирой Разлоговой стихи: *«Это потом ты поймёшь, что вместо, скажем, мешка асбеста теперь несёшь железобетон, но это потом, потом». Димка Горин, написавший эти стихи, должно быть, понимал жизнь лучше Глафиры* [8, с. 206]; *Как было славно ещё довольно недавно, а если вспомнится, как давно, – становится всё равно, – написал Димка Горин, и был прав. Димка вообще понимал жизнь лучше Глафиры* [8, с. 311]. На самом деле, это стихи Дмитрия Быкова, который, судя по всему, является прототипом героя.

*Квазицитация* – воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в умышленно изменённом виде [5, с. 40–41]. В исследуемом материале отмечено 20 подобных прецедентных текстов. Чаще всего упоминаемое известное имя или название заменяются созвучными: *Я ...улетел в Венесуэлу. ...Нас так долго не допускали к Уво Сандэрсу, ну к их президенту* [8, с. 105] (Уго Чавес); *И позвонил Косте Хорсту. ... – Генеральному директору Первого канала, что ли?* [8, с. 337] (Константин Эрнст); *...группа «Ну-ну». Там пели четыре мальчишки, и продюсер считал, что у холостых больше поклонниц* [9, с. 169] (группа «На-на»).

Наиболее ярким примером квазицитации, на наш взгляд, является следующий: *Показывали фильм знаменитого актёра и режиссёра Матвея Евгешикина «Русская любовь». ... Шедевр изобиловал откровениями и многозначительностями типа – «русский человек пьёт от безысходности» или «жить надо не по правилам, а по совести»* [7, с. 48]. Имеется в виду Евгений Матвеев и его фильм «Любить по-русски», 1995. Через восприятие своей героини Марины Корсунской этого фильма автор выражает собственное отношение, прямо скажем, нелицеприятное отношение и к режиссёру, и к его «шедеврису».

*Аллюзия* – (намёк) соотнесение предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определённом тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, то есть на содержательном уровне [5, с. 41]. Один из самых интересных видов прецедентных текстов, вовлекающий читателя в своеобразную игру угадывания источника заимствования: *...в продолжительную любовь учительницы и сталевара Родионов верить перестал* [14, с. 118] – отсылка к фильму «Весна на Заречной улице» (реж. Ф. Миронер, 1956); *Такая не выпустит. Такая в следующий раз придёт на сеновал с кузнецом. Обещал? Женись!* [6, с. 189] – намёк на героиню Александры Захаровой из фильма «Формула любви», 1984, реж. М. Захаров; *Журналистам было скучно... В прошлом году от летней сонной скуки напали вдруг на некоего эстрадного деятеля, который, тоже от скуки, облаял на пресс-конференции некую журналистку...* [11, с. 19] – намёк на Ф. Киркорова и известный скандал с «розовой кофточкой».

*Продолжение* – создание самостоятельного литературного произведения, действие которого разворачивается в «воображаемом мире», уже известном носителям культуры из произведений другого автора, мифологии или фольклора [5, с. 42]. В исследуемом материале отмечен всего один подобный прецедентный текст: *Медведя застрелили охотники, или он сгинул, попавшись в капкан, а Принцесса жива, весела и танцует ночью вместе с луной. Как вам такое продолжение истории, уважаемый сказочник?* [8, с. 133]. Конечно, это не самостоятельное произведение. Такой финал сказке И. Шварца «Обыкновенное чудо» придумала ге-

роиня романа «На одном дыхании» Марина Нескорова, проводя параллель со своей жизнью.

Как показал анализ роли прецедентных текстов в романах Т. Устиновой, они используются автором в двух основных функциях. Первая – непосредственная или косвенная характеристика персонажа. Так, о героине романа «Персональный ангел» Катерине Солнцевой говорится: *Иногда она (Катерина) любила процитировать что-нибудь из фильма* [12, с. 155]. И эта особенность её речи постоянно подчёркивается: *Но заметьте, – она смешно подняла палец, цитируя какой-то фильм, – не я это предложила!* [12, с. 19–20] «Покровские ворота» (реж. М. Козаков, 1982), герой Леонида Броневго; *Катерина улыбнулась своим мыслям. «Хоботов, – сказала она себе, – ты тайный эротоман!»* [12, с. 155] «Покровские ворота» (реж. М. Козаков, 1982); *Катерина, наклонившись к нему (Приходченко), прошептала: – Аттракцион неслыханной щедрости.* [12, с. 231] «Большая перемена» реж. М. Хуциев, А. Корнев, 1972–1973; *Олежек, – сказала она вкрадчиво. – Я понимаю, что у тебя медовый месяц, но ты мне срочно нужен, чтобы воздействовать на Абдрашидзе. Со всей полнотой, так сказать, и ответственностью. Давай я тебе коротенько, минут на 40, изложу суть. А?* [13, с. 257] – отсылка к монологу Огурцова – героя комедии Э. Рязанова «Карнавальная ночь», 1956.

Косвенная характеристика, как правило, касается интеллектуального уровня и образованности героя. При этом она может быть отрицательной: *Потом он (Тимофей) всё-таки робко спросил, как зовут вторую сестру. – Даша, конечно! – воскликнула императрица с непонятным ему энтузиазмом. – Как её ещё могут звать? Если старшая Катерина Дмитриевна, то младшая может быть только Дарьей Дмитриевной!... – Это Алексей Толстой, помните? «Хождение по мукам». Две девочки, Катя и Даша. Катерина Дмитриевна и Дарья Дмитриевна. Не помнил он никаких «хождений» Алексея Толстого! Был какой-то Толстой, он написал про то, как тётка под поезд угодила, или что-то в этом роде. А на него смотрели так, как будто он обязан это знать, а он не знал* [12, с. 194–195].

Вторая функция – создание образа, который прецедентный текст мгновенно вызывает в сознании читателя, избавляя автора от необходимости давать подробное описание. Прецедентный текст вводится через сравнение с союзом как: *...она (Марина) была как Снежная королева – недоступная, отстранённая, холодная...* («Снежная королева» Г. Х. Андерсен) [7, с. 172]; *Он (Андрей Поклонный) был талантлив и прекрасен, как Леонардо ди Каприо в кинофильме «Титаник», то есть значительно больше, чем бог Аполлон* [14, с. 209] («Титаник» реж. Д. Кэмерон, 1997). Или представляет собой скрытое сравнение: *У Панина сияли глаза удалым безенчуковским блеском* [12, с. 80]. Безенчук – гробовых дел мастер – персонаж р-на Ильфа и Петрова «12 стульев»; *– Что я делаю, что творю? – тоном старухи Пельтцер жалобно спросил сам у себя Родионов* [14, с. 31]. Реплика Бабы-Яги в исполнении Татьяны Пельтцер из фильма «После дождичка в четверг», реж. М. Юзовский, 1985; *Статная дама в клетчатом переднике – стиль Фрэнк Бок – оглянулась на шум открываемой двери.* [15, с. 293] (А. Линдгрэн «Малыш и Карлсон»).

Именно использование Т. Устиновой прецедентных текстов для создания образа является яркой особенностью её индивидуальной авторской манеры и отличительной чертой идиостиля.

### Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 168 с.

2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
3. Маринина А. Я умер вчера. Роман: В 2-х т. М.: Эксмо, 1998. 420 с.
4. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.
5. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 320 с.
6. Устинова Т. В. Жизнь, по слухам, одна! М.: Эксмо, 2009. 352 с.
7. Устинова Т. В. Мой генерал. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
8. Устинова Т. В. На одном дыхании. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
9. Устинова Т. В. Одна тень на двоих. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
10. Устинова Т. В. Олигарх с большой медведицы. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
11. Устинова Т. В. Первое правило королевы. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
12. Устинова Т. В. Персональный ангел М.: Эксмо, 2006. 320 с.
13. Устинова Т. В. Пять шагов по облакам. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
14. Устинова Т. В. Саквояж со светлым будущим. М.: Эксмо, 2006. 384 с.
15. Устинова Т. В. Седьмое небо. М.: Эксмо, 2006. 352 с.

## **THE ROLE OF PRECEDENT TEXTS IN THE WORKS OF T. V. USTINOVA**

**I. L. Popova, S. N. Babi**

Tver State University  
The department of Russian language

The article deals with the operation of precedent texts in the books of contemporary popular author of detective novels T. V. Ustinov. Based on the analysis of the collected material the authors determine the use of precedent texts in the works of the writer as a distinctive feature idiosyncrasy, manifested not only in corresponding characteristics of the character, but also to determine the author's own story.

**Key words:** *linguistic identity, discourse, precedent text, quote, kvazitsitata, allusion*

*Об авторах:*

ПОПОВА Ирина Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ТвГУ (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: irinapopova2009@mail.ru.

БАБИЙ Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ТвГУ (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: svetin1405@mail.ru.